

Издательство
АСТ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

На дне

•

Детство

•

Песня
о Буревестнике

•

Макар Чудра

Издательство
АСТ
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Г71

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*
Иллюстрация на обложке *И. Савченкова*

Горький, Алексей Максимович.
Г71 На дне : [пьеса] ; Детство : [повесть] ; Песня о Буревестнике : [поэма в прозе] ; Макар Чудра : [рассказ] / А.М. Горький. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-17-106835-6 (Классика для школьников)
ISBN 978-5-17-106837-0 (Школьное чтение)

В сборник вошли произведения Алексея Максимовича Горького, настоящая фамилия — Пешков (1868—1936), изучение которых входит в обязательную школьную программу: пьеса «На дне», повесть «Детство», стихотворения «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе», рассказы «Макар Чудра» и «Старуха Изергиль».

В пьесе «На дне» (1901—1902) поднимается одна из центральных тем в творчестве Горького — проблема «бывших» людей, опустившихся, надломленных и потерявших свой социальный статус.

«Детство» (1913) — автобиографическая повесть, в которой рассказывается о жизни Горького в юные годы. Детство писателя было очень тяжёлым: его счастливая жизнь с родителями закончилась после смерти отца, когда он переехал жить к скупому и жестокому деду.

«Песня о Буревестнике» (1901) отражает революционные настроения в обществе в конце XIX — начале XX века. В стихотворении Горький призывал рабочий класс к борьбе с самодержавием.

«Макар Чудра» (1892) — первое печатное произведение писателя. Это рассказ о драматической любви двух вольнолюбивых цыган — Лойко и Радды, которым гордость помешала обрести счастье.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ЕАС

12+

© Савченков И.Ю., ил. на обл., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Посвящаю
Константину Петровичу Пятницкому
М. Горький

НА ДНЕ

Пьеса

Действующие лица:

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин, } приблизительно одного возраста:

Актер } лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб, } крючники.

Татарин

Несколько босяков без имен и речей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары

Бубнова. В левом углу — большая русская печь, в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит К л е щ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, К в а ш н я — хозяйничает, Б а р о н жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет А н н а. Б у б н о в, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. С а т и н только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет

А к т е р.

Начало весны. Утро.

Б а р о н. Дальше!

К в а ш н я. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Б у б н о в (*Сатину*). Ты чего хрюкаешь?

С а т и н рычит.

К в а ш н я. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский — не подумаю замуж за него идти.

К л е щ. Врешь!

К в а ш н я. Чего-о?

К л е щ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой...

Барон (*выхватив у Насти книжку, читает название*). «Роковая любовь»... (*Хохочет.*)

Настя (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня (*Клещу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты, Настька...

Настя (*отнимает книгу*). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька — ты где?

Настя (*не поднимая головы*). А?.. Уйди!

Анна (*высовывая голову из-за полога*). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

Анна. Каждый божий день! Дайте хоть умереть спокойно!..

Бубнов. Шум — смерти не помеха...

Квашня (*подходя к Анне*). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь... отстань...

Квашня. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора...

Квашня. Идем, сейчас! (*Анне*). Хочешь — пельмешков горяченьких дам?

А н н а. Не надо... спасибо! Зачем мне есть?

К в а ш н я. А ты — поешь. Горячее — смягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю... захочешь когда, и покушай! Идем, барин... (*Клещ.*) У, нечистый дух... (*Уходит в кухню.*)

А н н а (*кашляя*). Господи...

Б а р о н (*тихонько толкает Настю в затылок*). Брось... дуреха!

Н а с т я (*бормочет*). Убирайся... я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

С а т и н (*приподнимаясь на нарах*). Кто это бил меня вчера?

Б у б н о в. А тебе не все равно?..

С а т и н. Положим — так... А за что били?

Б у б н о в. В карты играл?

С а т и н. Играл...

Б у б н о в. За это и били...

С а т и н. М-мерзавцы...

А к т е р (*высовывая голову с печи*). Однажды тебя совсем убьют... до смерти...

С а т и н. А ты — болван.

А к т е р. Почему?

С а т и н. Потому что — дважды убить нельзя.

А к т е р (*помолчав*). Не понимаю... почему — нельзя?

К л е щ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру... чего нежишься?

А к т е р. Это дело не твое...

К л е щ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело...

А к т е р. К черту Василису! Сегодня баронова очередь убираться... Барон!

Б а р о н (*выходя из кухни*). Мне некогда убираться... я на базар иду с Квашней.

А к т е р. Это меня не касается... иди хоть на ка-
торгу... а пол мести твоя очередь... я за других не
стану работать...

Б а р о н. Ну, черт с тобой! Настенка подметет...
Эй, ты, роковая любовь! Очнись! *(Отнимает кни-
гу у Насти.)*

Н а с т я *(вставая)*. Что тебе нужно? Дай сюда!
Озорник! А еще — барин...

Б а р о н *(отдавая книгу)*. Настя! Подмети пол
за меня — ладно?

Н а с т я *(уходя в кухню)*. Очень нужно... как же!

К в а ш н я *(в двери из кухни — Барону)*.
А ты — иди! Уберутся без тебя... Актер! тебя про-
сят, — ты и сделай... не переломишься, чай!

А к т е р. Ну... всегда я... не понимаю...

Б а р о н *(выносит из кухни на коромысле кор-
зины. В них — корчаги, покрытые тряпками)*.
Сегодня что-то тяжело...

С а т и н. Стоило тебе родиться бароном...

К в а ш н я *(Актеру)*. Ты смотри же, — подме-
ти! *(Выходит в сени, пропустив вперед себя Ба-
рона.)*

А к т е р *(слезая с печи)*. Мне вредно дышать
пылью. *(С гордостью.)* Мой организм отравлен
алкоголем... *(Задумывается, сидя на нарах.)*

С а т и н. Организм... органон...

А н н а. Андрей Митрич...

К л е щ. Что еще?

А н н а. Там пельмени мне оставила Квашня...
возьми, поешь.

К л е щ *(подходя к ней)*. А ты — не будешь?

А н н а. Не хочу... На что мне есть? Ты — работ-
ник... тебе — надо...

К л е щ. Боишься? Не бойся... может, еще...

А н н а. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, ско-
ро уж...

К л е щ (*отходя*). Ничего... может — встанешь... бывает! (*Уходит в кухню*.)

А к т е р (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем...

С а т и н (*улыбаясь*). Органон...

А к т е р (*настойчиво*). Не органон, а ор-га-ни-зм...

С а т и н. Сикамбр...

А к т е р (*машет на него рукой*). Э, вздор! Я говорю — серьезно... да. Если организм — отравлен... значит — мне вредно мести пол... дышать пылью...

С а т и н. Макробиотика... ха!

Б у б н о в. Ты чего бормочешь?

С а т и н. Слова... А то еще есть — транс-сцеден-тальный...

Б у б н о в. Это что?

С а т и н. Не знаю... забыл...

Б у б н о в. А к чему говоришь?

С а т и н. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

А к т е р. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

К л е щ (*выходя из кухни*). Ты с метлой играть скоро будешь?

А к т е р. Не твое дело (*Ударяет себя в грудь рукой*.) «Офелия! О... помани меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

С а т и н. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был... (*Усмехаясь.*) Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Бубнов. Слышал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот — скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

Сатин. Ну и что же?

Бубнов. И больше ничего...

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так... для соображения... Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай, все сотрется... все сотрется, да!

Сатин. А... кости у меня болят!

Актер (*сидит, обняв руками колени*). Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

Сатин. Бубнов, дай пятак!

Бубнов. У меня всего две копейки...

Актер. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу...

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут...

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

Анна. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори...

Клец. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу... пусти меня на свое место, да и отвори... а я и без того простужен...

Бубнов *(спокойно)*. Мне отворять не надо... твоя жена просит...

Клец *(угрюмо)*. Мало ли кто чего попросил бы...

Сатин. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. *(Встает.)* Пойти, ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. *(Уходит.)*

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актёр *(тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне)*. Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актёр. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. *(Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.)* Ну-ну... твердо! Я — сам больной... отравлен алкоголем...

Костылев *(в дверях)*. На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

Актёр. А ты — посторонись... видишь — больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь... *(Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла.)*

Клец ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.

Скрипишь?

К л е щ. Чего?

К о с т ы л е в. Скрипишь, говорю?

Пауза.

А-а... того... что бишь я хотел спросить? (*Быстро и негромко.*) Жена не была здесь?

К л е щ. Не видал...

К о с т ы л е в (*осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла*). Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

К л е щ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь...

К о с т ы л е в. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи, знай, в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину, — ма-слица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть... И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

К л е щ (*кричит*). Ты что меня... травить пришел?

Сатин громко рычит.

К о с т ы л е в (*вздвигнув*). Эх ты, батюшка...

А к т е р (*входит*). Усадил бабу в сених, закутал...

К о с т ы л е в. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется все тебе...

А к т е р. Когда?

Костылев. На том свете, братик... там все, всякое деяние наше учитывают...

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга...

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

Актер. Шельма ты, старец... (*Уходит в кухню.*)

Клещ встает и уходит в сени.

Костылев (*Сатину*). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

Сатин. Кто тебя — кроме черта — любит?..

Костылев (*посмеиваясь*). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (*Вдруг, быстро.*) А... Васька — дома?

Сатин. Погляди...

Костылев (*подходит к двери и стучит*).
Вася!

Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жует.

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я... я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев (*отодвигаясь*). Отвори...

Сатин (*не глядя на Костылева*). Он отворит, а она — там...

Актер фыркает.

Костылев (*беспокойно, негромко*). А? Кто — там? Ты... что?

Сатин. Чего? Ты — мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так... про себя...

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру... Да! (*Сильно стучит в дверь.*) Василий!..

Пепел (*отворяя дверь*). Ну? Чего беспокоишь?

Костылев (*заглядывая в комнату*). Я... видишь — ты...

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе...

Пепел. Деньги — принес?

Костылев. Какие? Погоди...

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты...

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы — они...

Сатин. Краденые...

Костылев (*строго*). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

Пепел (*берет его за плечо*). Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да... мне — ничего... я уйду... если ты такой...

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев (*уходит*). Экие грубые люди! Ай-яй...

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю...

Пепел. Чего он тут?